

Мои воспоминания

**Протоиерей
КОНСТАНТИН
ВАСИЛЬЕВ**

Отец Константин служит в вологодском Рождество-Богородицком кафедральном соборе уже больше полувека. За это время многое пережито, батюшка был свидетелем и непосредственным участником многих событий. И, конечно, мы не раз просили отца Константина рассказать о своей жизни нашим читателям. И каждый раз получали отказ: «Кому это надо, - отмахивался батюшка. - Да и нескромно это - что, скажут, про себя все рассказываешь...» Спасибо владыке Максимилиану - он поддержал наши просьбы, убедив отца Константина, что кроме него никто достоверно и правдиво не расскажет о тяжких годах жизни нашей Церкви, о мужестве верующих, устоявших в гонениях - не таких, может быть, открытых, как в двадцатые-тридцатые, а изощренных и оттого, конечно же, ничуть не менее опасных. Предлагая читателям труд отца Константина, редакция хочет отметить, что это - не историческое исследование, а записки очевидца. Мы не выверяли даты и факты, и даже если где-то встретится неточность - не ставьте ее автору в вину. Он выражал собственное отношение к тому времени, и это получилось у него ярко, выразительно и убедительно.

Помню себя маленьким, и моя мать ведёт меня в храм. Утро, солнце, у храма сидят нищие. Наше село Гусёвка Волгоградской области очень большое, три улицы больше километра тянулись вдоль реки Иловля, приток Дона. Были и поперечные улицы. Церковь была в центре села.

Мы стоим в храме, молящихся полный храм. После я маме говорю: «А те, кто пели, у всех были спутаны ноги». Мать ответила: «Ты глупости говоришь».

Мать моя была безграмотная, но стояла часами, молилась. Я спрашивал её: «Откуда ты знаешь столько молитв?» Отвечает: «Отец мой учил». Наша семья была очень большая. Я родился 13-м. Но много умирали шести-восьми месяцев. Мать мне говорила, что если ребёнок родится в феврале, марте - это смертники. Весной отец и мать в поле, нянек нет, ребёнок лежит один, кругом мухи, дизентерия обеспечена, и ребёнка нет. А я родился в феврале, но у меня нянек полно было: две сестры и два брата.

Восьми лет я пошёл в школу и в эту же зиму скончался отец. Всё бремя легло на мои плечи: заготовить сено корове и овцам, дрова на зиму - это были мои заботы. Два брата служили в армии, старшая сестра замужем, а мы с сестрой (ей было 14 лет) были с матерью.

К доброй, приветливой, очень сердечной и благородной матери мы чувствовали с сестрой безграничную привязанность.

Началось разрушение храмов. В нашем селе был Ахтырский женский монастырь, устроенный пр. Амвросием Оптинским. В монастыре разрушили собор, а кирпичи возили в район, с. Ольховку за 12 км, строили школу-десятилетку.

В нашем селе было организовано три колхоза, и мы, подростки, должны были работать на сенокосе - водить волов в сенокосилке. А в уборочную: пара волов и ящик - отгружали зерно от комбайнов и возили на ток и там лопатой выгребали зерно из ящика. На руках были мозоли.

В 1941 году уродился очень большой урожай ржи и пшеницы. Рожь стояла, как лес, подъезжает автомашина, мужчина становится не в кузов, а на борт и только достает до колосьев. У нас не чернозем, а суглинок, и такой урожай!.. Все ходят веселые, радостные за урожай. А верующие старики и старухи говорят, надо ожидать большого испытания, это не к добру. И что же, только начали уборку - война. Мужчин сразу почти всех забрали. Урожай собрать не смогли.

1942 год пришел к нам с большими горестями. Враг рвался к Сталинграду, а мы жили за 150 км от Сталинграда. Самолеты спокойно разгуливали в воздухе, а мы работали на уборочной. Еще зимой нас всех подростков из 7-го класса перевели учиться на трактористов. Так что, лето 42-го мы хлебнули сполна.

Нам не дали окончить 7 класс. В сентябре 1942 года я пошел в МТС к директору и стал просить его отпустить меня учиться в школу. На мое заявление он дал добро.

Все мальчишки работали в поле и, узнав, что я в школу хожу, бросили трактора и пришли в школу. Прошло не более недели, заходит завуч, подаёт мне моё заявление к директору с его резолюцией и говорит: вам надо идти работать. И мы все мальчишки пошли в поле работать. Пахали зябь, покуда не выпал снег. А зимой надо было ходить за 3 километра в МТС - ремонтировать трактора на следующий сезон.

В 1944 году я ушёл из села, добрался до Сталинграда, сел на поезд, который шёл на запад (видно было, где прицеплен паровоз), и доехал до Краснодара. Военные меня сняли и отправили в школу КВОШ - Краснодарская Высшая Школа Штурманов.

Меня определили в 5-ю эскадрилью ближних пикирующих бомбардировщиков: П-2 и ТУ-2. После обучения с майором меня определили прибористом: самолётам, которые идут на вылет, поставить точное время на часах в кабине.

Если не работает датчик давления масла или температуры воды двигателя - заменить датчик, а запасные датчики у меня в кармане.

Кончилась война, я сразу попросился в увольнение (хотя это была ошибка, мне бы засчитали эти два года службы в армии). Я с большим трудом скопил 800 рублей и пошёл на восьмимесячные курсы шоферов. Жил в землянке в поле в семье одного лётчика. 11 мая 1946 года я получил права водителя 3-го класса и пошёл в эту же часть в автогараж. Старший лейтенант взял мои права и стал всем показывать и говорить: «Вот он получил специальность». Мне дали полуторку, но не простую, а автостартер. Если двигатель у самолёта не заводится (а они заводились под давлением воздуха 120 атмосфер), я подъезжал и специальным хоботом с храповиком самолёта и силой своего движка раскручивал и заводил двигатель самолёта. От штаба утром я должен был привезти парашюты и лётчиков на аэродром.

Наступил голодный 1947 год. Мать одна, корову нечем кормить, просит: сынок, приезжай. Я уволился и поехал в родное село. Мы жили с матерью в страшном голоде, и всё время читали Евангелие. Я ночью с санками ходил за реку на луг и экспроприировал колхозное сено, тем и спасли корову. Корова отелась, и стало легче.

В 1948 году меня взяли в армию и определили в г. Изъяславль в дивизионную автомобильную школу, школа готовила водителей для дивизии. После 10 месяцев строевой нам присвоили звание - сержант и младший сержант. В школе было 8 взводов по 24 человека: взводом командовал офицер, а я сержант - помкомвзводом и младший сержант - отделением.

Подполковник был по политической части. И он прицепился ко мне, что у меня во взводе почти все комсомольцы, а я нет. Все мои аргументы не имели успеха, он всучил мне комсомольский билет.

И как на грех, наших офицеров отправили в Германию, а из Германии прибыли офицеры к нам. Представляете, там они сидели в гарнизоне с семьями, а здесь всё-таки город. В наш третий взвод был определён старший лейтенант, и я в окно вижу - его жена идёт к нашей казарме. И старший лейтенант говорит: «Васильев, проводи за меня мои лекции». А у нас определилась такая последовательность: с одним набором я преподаю устройство и работу всех узлов автомашины, а командир - эксплуатацию машины. А на следующий набор мы менялись: он устройство и работу, а я - эксплуатацию.

У нас был учебный взвод - 24 человека. В моём 3-м взводе все получили водительские права, а в некоторых по 4 человека не получили. Экзамен принимала и выдавала права ГАИ, приглашённая из города. И я перед строем школы получил благодарность, и отпуск с поездкой домой на 10 суток, считая без проезда. Это был шик. Все солдаты восхищались моей поездкой домой.

Это был второй год службы. В городе было два действующих храма, и я стал ходить в церковь молиться. Вероятно, чтение Евангелия с матерью в голодную зиму привлекло Божию благодать. Зайду в храм, а над иконостасом крест простой четвероконечный, я смотрю на него, и слёзы льются из глаз. Я становился справа на середине храма и на подоконник клал пилотку. Все верующие постепенно пятились назад и смотрели, как молится солдат.

Я очень горячо молился Богу и просил, чтобы в части не узнали. Ведь засмеют, залюлюкают и сломят. И Бог меня

хранил, не узнали, а в городе все женщины знали.

Случилось, что к нам поступил набор новобранцев изпод Москвы. Одно хулиганье и воры. Дисциплины в школе не стало. Начальник штаба капитан Виноградов проводит собрание офицеров и сержантов. И в своём слове защищает офицеров. Вопрос дисциплины - это плохая работа сержантов. Все молчат. Я попросил слово и сказал: мы все время с солдатами: едим, учимся, отдыхаем. А офицеры, обладающие большей дисциплинарной властью, пришли в часть, отметились и ушли гулять в город.

Снова стал выступать капитан и укорять мои неправильные выводы. А я с места говорю: у нас нет дисциплины, значит, рыба с головы гниёт. А голова - штаб и офицеры. На третий день меня вызвали в особый отдел ЧК. Зашёл я в кабинет и увидел капитана, который часто проходил по нашей казарме. - «Рассказывай, Васильев». «А что рассказывать, вы же сами всё видите». «Надо было молчать, голубчик». «Я сам теперь вижу, что надо было молчать». На том мы и расстались.

Вечером я вышел за казарму, сложил маленький костёрчик, поджег. Положил на огонь комсомольский билет, перекрестился и сказал: «Господи, чтобы у меня его никогда не было». И не было. А комсorghу я сказал: ходили на реку, нёс гимнастёрку в руке и, вероятно, билет где-то выпал. Я полагаю, кто найдёт, возвратит нам. Я не стал ходить на комсомольские собрания. И этим всё закончилось.

Я говорил, что в г. Изъяславле было два храма. И вот оба священника объявляют, что на праздник Рождества Богородицы 21 сентября они едут к благочинному в г. Шепетовку за 21 км на храмовый праздник, конечно, это был произвол настоятелей, нельзя было оставлять город без богослужения в двенадцатый праздник.

В храме я познакомился с Иоанном Недайхлебовым и его женой Ниной. Глубоко верующая чета. Их сын, мой одноклассник, служил под Киевом. Я взял у них велосипед - это старьё без тормозов, и, договорившись с младшим сержантом, что он заменит меня в казарме, утром поехал в г. Шепетовку на службу. Проехав километров восемь, я почувствовал, что сиденье поехало в одну сторону, а руль в другую. Оказалось, что на стойке у руля одна труба оторвалась. Я стал велосипед катить. И в это время пережил страшную бурю, внутреннюю борьбу, просто какое-то физическое давление: сейчас встретят, проверят увольнительную или командировочное удостоверение, а у меня ни того, ни другого нет. Самовольно покинул часть - это тюрьма. Борьба идёт внутри, а я бегу с велосипедом. За 2 км до города и вторая труба оторвалась, стало два велосипеда.

Еле я дотащился до города и в первый дом зашёл, оставил велосипед. Богослужение прошло торжественно, много священников. Это я впервые увидел.

Забегая вперёд скажу, что с этим благочинным я познакомился, он же и устроил меня в Одесскую семинарию. После я служил только в храме Рождества Богородицы. После демобилизации я поехал в Одессу.

Уже шла вторая четверть, было 11 ноября. Мне так хотелось учиться, и к Пасхе я всех догнал, не было ни одной тройки. Ректор предложил мне работать на семинарской машине «Победа». Я стоял на клиросе в кирзовых сапогах, гимнастёрке и бушлате. Мне платили 400 р. и я приоделся.

Следует вспомнить об одном Божием проявлении. Семья Недайхлебовых из г. Изъяславля стала писать мне письма в семинарию, и сердечно просили приехать и уговорить их

сына Леонида поехать учиться в семинарию. После первого класса я поехал к ним, и мы стали его уговаривать, но он определённо ничего не говорил. Он очень замкнутый, как и отец, и стеснительный. После окончания академии он мне признался, что очень стеснялся и надеялся, что я скоро уеду и тем всё и окончится. Но у Бога были другие планы.

Леонид работал на грузовой автомашине и возил зерно на элеватор. У него два экспедитора: один в кабине, другой в кузове. Однажды, возвращаясь с элеватора, он разогнал машину, а перед этим прошёл дождик, и на одном из поворотов его выбросило в канаву. Кабина открылась, и экспедитор вылетел, в кузове тоже не оказалось мужчины. Вот тут Леонид выскочил из кабины, бросился на колени и стал молить Бога: «Если всё благополучно - еду в семинарию». И вдруг один кричит: «Иван, ты жив?». «Жив, а ты Степан?». И как по заказу, навстречу едет трактор, он и вытащил их на дорогу. Вечером он приезжает и говорит: «Я уволился, едем в семинарию». У матери был радостный шок.

Здесь следует вспомнить ещё об одном благодатном Божиим явлении. Когда я служил, и, приходя в храм, меня стали приглашать на хоры. В хоре пела женщина сопрано, и она, как говорится, положила на меня глаз. У неё была дочь, и она желала нас поженить, но сперва поехала к болящей Марии, живущей за 30 километров от города. Так звали больную, прозорливую девочку. После рождения в шесть месяцев новорожденная девочка неделю кричала и перестала расти. Проходят месяцы, а девочка не растёт. Мать решила избавиться от неё. Вечером, когда корова уже легла, она клала девочку рядом с нею в надежде, что корова повернётся и раздавит её. Утром приходит - корова как лежала, так и лежит. Укладывала её зимой в сарай и накрывала рогожкой. Утром открывает, а с девочки пар идёт. Это такой же Божий сосуд, как блаженная Матрона Московская. Когда подросла девочка, стала предсказывать, что к ним гости идут. Узнав, верующие из храма шли к ней, и она уже их ждала. Просила приготовить угощение.

И вот эта женщина из хора стала рассказывать о солдате и её намерении о дочери. Мария, тот Божий сосуд, говорит: «И не думай, он далеко пойдёт».

Мне об этом сообщили, я по-

желал поехать к ней. Но Нина Недайхлебова всё меня отговаривала, потом поедешь. Как же меня поразило, когда я вошёл во двор и подошёл к ней, и её слова: «Эта Нина долго не отпускала тебя приехать ко мне». А сестра её говорит: «Как только кто надумает посетить её, она уже знает и ждёт».

Я её спрашивал, и она отвечала, и всё положительно. Я внутри стал сомневаться. Потом спросил о брате. Она издала страдальческий звук. И я всё понял.

Мне очень нравились иеродиаконья в семинарии, в подъясыниках, с длинными волосами. И я возмел желание быть таким же, а это значит - не жениться. И она прозрела это, и посылает сестру в сад нарвать мне букет цветов. Когда она нарвала, Мария повелевает ей ещё нарвать один букет. Я говорю сестре, не надо, хватит одного. А сестра отвечает: «Этот второй для вашей будущей жены».

Перед моим уходом Мария, положив ручки на мою голову, долго читала молитвы. Но слов было не понятно, только слышал окончания: «...Отца и Сына и Святаго Духа». Я ей говорю: «На следующий год я снова приеду». А она отвечает: «Нет, больше ты не приедешь». И всё. Так сложилось, что я больше не был у неё. Но всё, что она мне сказала - всё исполнилось. Чудные, благодатные сосуды всегда у Бога были и, вероятно, всегда будут.

Семинарию я закончил по первому разряду, а это значит, что в академию принимают без вступительных экзаменов. Но всё сложилось иначе, я женился, и меня рукоположили во диакона и направили в храм Рождества Богородицы в г. Одессе. Служил я один год и узнал страшную новость: духовенство причислено к эксплуататорскому классу, а потому подлежало налогообложению по 19-й статье, т.е. больше половины заработной платы - налог. В общем,

Слева - старший сержант Константин Васильев; справа - его права, полученные в армии. Они были первыми... Сейчас водительский стаж отца Константина перевалил за полвека

была не жизнь, а жалкое существование. В сентябре 1956 г. я поехал в Ленинградскую Духовную академию.

Окончив успешно первый курс, я приехал в Одессу к жене и сыну. В епархии, куда я обратился с просьбой о предоставлении места служения, мне предложили рукоположиться во иерея и служить в кафедральном соборе. Я дал согласие, 7-го июля 1957 года в праздник Рождества Предтечи Иоанна митрополит Борис рукоположил меня во иерея.

Отец Константин, матушка Нина с первенцем Колей. Время обучения в Ленинградской духовной академии

И я сразу вступил в чреду служения в соборе. Служил до отъезда в академию - 12 сентября. Меня поразило отношение старшего духовенства к молодым священникам - жизнь только для себя. Став в будущем настоятелем, я всегда это помнил и жалел всех молодых.

В академии нам давали стипендию 200 рублей. Учась в академии, я служил в храмах тогдашнего Ленинграда. Настоятели меня не обижали, хорошо поддерживали материально. Матушка была со мной и жила на квартирах верующих, которые относились к нам с особым уважением. Особенно они любили наших двоих детей. На четвёртом курсе мы занимались в классе три дня, а остальные дни работали над кандидатской. Это труднейшая работа, надо очень много просмотреть и прочитать литературы, касающейся твоей работы. Я защитил кандидатку, и мне Учёный Совет академии присвоил звание кандидата богословия с вручением значка кандидата. Я был рад за моё село Гусёвку - и она в богословах.

Когда я учился в академии и служил в Ленинграде в Троицком храме, там была одна очень больная женщина. Она ездила на самодельном устройстве: из тонких досок платформочке на подшипниках. После войны инвалиды без ног на таких устройствах передвигались по вагонам. У этой женщины рука, как верёвка, перекручена была, и ноги, на которых она сидела и спала, тоже перекручены и носками вверх. Страшно было смотреть на это уродство. Какими словами можно было утешить эту страдальницу!? Она говорила, что ей это «сделала» не любившая её свекровь. В одну ночь её так скрутило. Однажды в храме после литургии я стою с крестом, и вот подходит на своих ногах с палочкой эта женщина. Я не поверил своим глазам. Все, кто её знал, а знал её весь приход, смотрели на неё с восхищением и удивлением.

Вот как произошло это исцеление. Её брал к себе кто-нибудь из прихожан - носили, конечно, на руках. Спала она сидя. И вот ей снится, что подходит к ней Архистратиг Михаил и, трогая пальцем лоб её, говорит: «Не проспипшь службу?». От этого прикосновения её как током ударило, и стали выпрямляться ноги и рука.

Так случилось, что когда приехал представитель учебного комитета распределять выпускников, я служил в Петро-заводске на Пасху (там заболел священник). А когда вернулся обратно в академию, мне сообщили, что меня распределили в Вологду. А Вологда - ссыльный город. Из Одесской и Кировоградской областей ссылали именно сюда. Двоюродные сестры моей матушки выросли в г. Соколе и Семигородней. И родители не пускали ехать мою матушку со мной в ссыльную Вологду. Но мы всё-таки поехали в эту благосло-

венную землю, освящённую многими подвижниками.

Приехал я в Вологду 1 сентября 1960 г. Пришёл в епархию на приём к епископу. Это был Владыка Мстислав. Я просил его назначить в храм, при котором есть жилье, у меня жена, двое детей. Владыка ответил: «Тогда вас надо в Лазаревский, там есть квартира». Уходя, Владыка сказал мне, что в воскресенье будем служить в соборе. После литургии настоятель о. Алексей Бобров сказал мне: «Владыка назначает Вас служить в Рождество-Богородицком соборе». Вероятно, коррективы

внесла Царица Небесная.

Надо сказать несколько слов о Владыке Мстиславе. Родом он из Польши, и там находилась его мать. Владыка из Вологды каждое лето ездил в Польшу. Он был взрывного характера. Бывало, может из-за пустяка закричать на весь алтарь. Однажды произошёл у него конфликт с диаконом во время литургии. Диякон тоже был не из смиренных, он кадил и получил замечание от Владыки. Диякон, размахнувшись кадилом, бросил его на пол. Перед самым причастием Владыка подходит к диакону, обнимает его и говорит: «Давай помиримся, ради нашего Спасителя».

Они расцеловались. Это была трогательная сцена, у всех были слёзы на глазах.

Потом мне стало известно, что Владыка был ещё архимандритом, когда его осудила Советская власть. Приговор - расстрел. Он более суток ждал исполнения приговора. Потом расстрел заменили тюрьмой. И вот в это время ожидания его нервы пришли в негодность. В войну он был во Франции и в 1947 году возвратился в Россию. Он образованный человек, интеллигент, барского воспитания, но не любил и не говорил проповеди. Любил застолья, он отдыхал, и здесь он был неподражаемый тамада. Его живость, весёлость, добродушие, личные знакомства с массой интереснейших людей и событий, удивительная память - всё это придавало его застольной беседе особенную прелесть.

В соборе служил протодиякон Иннокентий - эмигрант из Харбина, Китая. Музыкальнейший человек, любивший поэзию, декламировал её. Бывало, встречает кого-нибудь и приветствует: «Привет мой вам, науки жрец почтенный». Но веры был очень слабой. Бывало, на Престоле в руках с Телом Спасителя читаю молитву, а он может запеть какой-нибудь мотив. Учёнейший человек, но в душе он был не христианин. Пусть Бог ему всё простит.

Я очень любил служить с диаконом о. Анатолием Макаровым. У него был абсолютный музыкальный слух, драматический сильнейший тенор, и мы всегда на литургии с ним пели «Взбранной Воеводе...», после входа на «...и ныне». Пели в два голоса - и как бы я высоко ни задал тон, он всегда его брал. Служение с ним одно было наслаждение. Он всегда оставался с глубокой, преданной верой Богу и Церкви. Единственное было отрицательным - у него внутри были «жабы», и он должен был регулярно туда заливать. Это его, прекрасного служителя, и погубило.

Прослужил я в соборе не одну неделю, а одного священника всё нет и нет. Я спрашиваю настоятеля, а где же он? «Он объезжает всю епархию по городам и весям, совершает все потребности». Наконец, он приехал, хромоногий, самодоволь-

ный, много заработал. Всегда говорил, что ногу ему повредили в партизанах. А мне его односельчане говорили, что он маленьким лазал по штабелям бревен, и одно бревно упало и сломило его колено. Этот факт наложил отпечаток на его психику. Но это и понятно, ведь он «второго сорта». Поэтому он по немощи человеческой завидовал и недоброжелательствовал. Прежде всего, скрывал свою злобу в лукавстве, как искру огня в пепле. Он любил поесть за чужой счет. Приезжая из Троице-Сергиевой лавры, он расказывал, чем угощали. До настоящего пафоса он поднимался лишь тогда, когда говорил о еде, говорил прямо со сладострастием. Процесс пищеварения был для него важнее всяких рассуждений. Он был явный брюхопоклонник.

Я говорил, что духовенство облагалось по 19 ст. Я оставил на налоги из зарплаты 230 руб., а мне оставалось 220 р. И жили только от зарплаты до зарплаты. Один Чугунов вольготно жил, объедет епархию, соберёт за требы и вольничает. Я полагаю, что ему это указывали делать его «господа», чтобы кто-нибудь соблазнился из священников и совершил treбу на дому. А в таком случае священника лишали регистрации.

Мне надлежало явиться к уполномоченному, получить регистрацию. В то время был уполномоченным добрый Соловьёв. Но его сняли и назначили председателя Общего Отдела области Сергея Васильевича Матасова. А это суший дьявол, злющий, ненавидящий всё святое, Церковь и служителей. Он мне как-то сказал: «Я старый и не доживу, а ты доживёшь, когда ни одной не будет церкви и ни одного попа». Я парировал: «Русь скоро отметит тысячелетие своего крещения, а коммунизм и атеизм - переходный этап». Однажды мы с ним разгорячились, я его упрекнул в узурпаторстве. Один отец крестил сына, будучи коммунистом, и расписался в регистрационном журнале крещения. Матасов приехал в храм и вырезал эту подпись и представил собранию коммунистов. Я говорю ему, разве так люди поступают, чего вы боитесь крещения, веры, значит вы слабые. А он: «Мы таких, как вы, ставили к стенке». Я говорю: «Это время прошло. Весь мир содрогается от вашего зверства». Надо было видеть глаза этого человека. Это суший зверь.

Забегая вперёд, скажу, один человек мне поведал о судьбе Матасова. Близкие от него отказались, и за ним ухаживала одна старушка. Умер он в страшных мучениях, кричал неистово. Пусть его Бог простит и покроет Своим милосердием.

После владыки Мстислава, в 1965 г. в августе прибыл владыка Мелхиседек. Это епископ из протоиереев, знающих жизнь Церкви и служение самых её низов. Владыка молодой, энергичный, любил служить и всегда проповедовал. Как горяча в нём была Божья искра, когда он проповедовал! Он вносил высокий, живой дух в проповедь. Он был замечательный, современный проповедник, всегда восхищая тем, что каждое его обращение к слову Божию - это всегда открытие. Как и наш ныне правящий архиепископ Максимилиан, в течение года несколько раз посещающий приходы епархии, совершая богослужения и тем привлекающая на служения большое количество верующих. Правда, у владыки Мелхиседека приходов было сравнительно меньше.

Некоторые из духовенства поступали превратно, с злоумудрейшими выходками, с циничной верой в ненаказанность. Владыка Мелхиседек сильной рукою вытрясал из них

непослушание. Прослужил владыка Мелхиседек в Вологодской епархии полтора года и был направлен на дальнейшее служение в Германию.

В Вологду прибыл епископ Мефодий из Галиции. Это умный, хозяйственный человек. Он не чурался грязной и трудной работы. Колот дрова, топил котёл для обогрева дома. Он самый выдающийся из архиереев по уму, жизненным способностям, честному, благородному и миролюбивому характеру. В управлении епархией Владыка показал чрезвычайную энергию и настойчивость.

В это время настоятелем собора был о. Пётр Устьянчук. У него открылась возможность на родине в г. Ровно получить двухкомнатную квартиру. И он уехал. Я с матушкой дважды бывал у них в Ровно. О. Пётр возил нас в Почаевскую лавру. Эта поездка была восхитительна. Почаевская лавра - это святыня из святынь - удел Царицы Небесной.

Владыка Мефодий намеревался назначить меня настоятелем собора, но уполномоченный сказал: никогда не дам ему (это мне) регистрации на настоятельство.

А дело было в следующем. Однажды меня вызвали в военкомат, что-то там с военным билетом, и когда процедура была закончена, меня пригласили в кабинет военкома. Военкома там не было, а было два чекиста. И пошла процедура вербовки, меня хотели втянуть в политическую акцию, дух и цель которой находится в полном противоречии с моими убеждениями человека и священника.

Я сказал: «Выполнять ваши указания и служить у престола - это несовместимо с моей совестью». Они говорят: многие из духовенства нам сочувствуют и помогают. Я на это ответил словами одного святого: «У каждого своя воля, что мне до других? Я Константин». Более часа мы препирались, но безрезультатно.

Они неоднократно меня вызывали и даже в ЧК, это бывший Свято-Духов монастырь, выходит окнами на стадион Динамо.

Я понял, когда настало для меня время подвига, мне непростительно ослабевать. И по зрелом размышлении решил, помолившись Богу, отдаться всецело промыслу Его.

Тогда они прибегли к старому методу - запугивания. Алтарницей в соборе была монахиня Капитолина, Божий одуванчик, светлое лицо, чистые глаза, глубоко верующая монахиня. Она мне говорит, что слышала в алтаре, как Виктор Иванович и председатель Ревизионной комиссии говорили, что будут жаловаться на меня Владыке, чтобы он убрал меня из собора.

Виктор Иванович был старшим иподиаконом, но фактически он был хозяин собора - представитель ЧК в соборе. Это знали все, да он это и не скрывал.

Я дважды переспрашивал монахиню, как и что она слышала. В её словах была неточность: то она стояла у комода, то у печки. Вечером я поехал к Председателю Ревизионной комиссии. Я был с ним хорошо знаком. Я его спросил: «За что вы с Виктором Ивановичем намереваетесь жаловаться Владыке на меня?» А он мне: «С чего вы взяли это, я вообще за духовенство. В разговоре со мной Виктор Иванович сказал, что о. Константин очень строгий и требовательный священник и только».

Приехав домой, я сразу пошёл к монахине Капитолине и спросил её: «Кто тебя настроил врать мне? Я сейчас был у Председателя Ревизионной комиссии. В алтаре ничего подобного не говорили». Она разрыдалась и стала просить меня не говорить им: «Я не хочу снова в тюрьму». Она была

сильно запуганный человек. Это было слепое орудие чужой воли. Не следует забывать о силе длительного психологического воздействия. Печальным последствием этого воздействия явилась утрата некоторыми церковными людьми своей внутренней, духовной свободы, что сделало их малоспособными отличить преходящее от вечного, «Кесарево от Божия».

Но я допустил страшную ошибку. Когда в следующий раз они вызвали меня, надеясь, что за место в соборе я буду держаться и пойду на компромисс. А я им в глаза: «Вы как воры вторгаетесь в квартиру, грабите и угрожаете хозяину». «Вот вы какого о нас мнения». И вот тут я понял, что подписал себе приговор, но было уже поздно. Высказывать правду таким «господам», значит обречь себя на одиночество и страдания. Я понял, я не проявил достаточной гибкости. Надо было молчать. Началась травля всей моей семьи. Тяжелее было детям, особенно старшему сыну Николаю, приходилось только молиться, противопоставить заступничество Неба злым замыслам земли. Утешало одно, что я и перед миром, во зле лежащим, как раб, колен не преклонил.

Больше меня никуда не вызывали, но чувствовал, что тучи надо мной сгущаются. Но об этом потом. Так вот, уполномоченный категорически отказывал мне в регистрации и предлагал через секретаря епархии прот. Геннадия Яблонского назначить настоятелем Чугунова. Владыка Мефодий ответил: «Я не желаю иметь хромого настоятеля». И вот здесь проявилась опытность и настойчивость владыки Мефодия. Он передал через своего секретаря Матасову: «Если о. Константин не зарегистрируете настоятелем, я издам указ о своём назначении настоятелем, а о. Константина назначу ключарём. И он без вашей регистрации будет управлять собором». Уполномоченный был поставлен на колени. Он вызвал меня и выдал регистрацию, это был апрель 1969 года.

Черты духовного облика Владыки Мефодия соединялись с непреклонной твёрдостью и пронизательностью в вопросах, затрагивающих существо православной веры и внутренней жизни Церкви.

Постоянная опека и бдительный контроль советской власти над жизнью Церкви лишали её самостоятельности и инициативы. Настоятели и всё духовенство было отстранено от управления приходом. Отныне (1961г.) приходом командовал староста, казначей и иже с ними, и принимали в двадцатку только по рекомендации уполномоченного - читай, по распоряжению КГБ. Каждый храм отчислял громадные суммы в Фонд Мира и на реставрацию памятников культуры. Кафедральный собор отчислял в фонд 200 тысяч рублей и на восстановление памятников культуры - 40 тысяч рублей. Всё это делал казначей, ни с кем не советуясь и никого не спрашивая. Это был приказ. В епархию они с собора отчисляли 3 тысячи рублей в месяц, конечно, это смехотворная сумма.

Всё духовенство жило впроголодь, приходилось брать 20-30 р. в счёт зарплаты, чтобы прожить несколько дней.

У нас был такой случай, на завтра осталась одна мелочь. В книжном шкафу на книгах у меня стояла коробочка открытая, там счета оплаты. Я стал бессознательно просматривать и вдруг обнаруживаю 25 р. Кричу радостно: «Матушка, сюда иди!», и за ней дети бегут, и я показываю 25 рублей. Какая была радость, дети уже понимали, что такое деньги. Матушка пошла и купила не только молоч-

ные продукты, но и побольше сладостей для детей. Когда мы рассказывали близким нашим служителям, они говорили: «Ну, вы даёте, такие купюры забывать».

На отпуск нельзя было отложить и рубля. Единственное, что поправляло наше отпускное положение - это получали отпускные и положенную полную зарплату на лечение, и она не облагалась налогом. Но мы жили и служили.

У нас на чердаке была установлена цистерна 1000 литров. Я проложил по чердаку трубы, вывел на фасад дома и шлангом соединял с колонкой и наполнял эту цистерну. А от неё вода шла в ванну и кухню. «Господа» стали расширять дорогу и колонку ликвидировали. Я увеличил шланг и стал брать воду из храма. Под предлогом, что в водопроводе неисправности, они отключили совсем воду. Я приобрёл пять канистр по 20 литров. Летом на коляске (которую сам сделал, колёса купил от мопеда, подогнал подшипники), а зимой на санках и стал возить воду за два квартала и поднимать её на чердак. За каждый рейс я привозил 100 литров. Полной цистерны нам хватало на неделю. Так я возил три года. А для освящения воды они возили её на автомашине. Видят, что это ни к чему не привело, раскопали у храма, исправили и пустили воду. Я снова стал воду брать из храма. Стало легче! Мюллер и иже с ним надеялись сломить веру, а без веры бери голыми руками. Но они не могли понять одного: вера - как гвоздь, чем сильнее бьют, тем сильнее входит. Во всех напаках и искушениях я одевался в смирение, смирение избавляет от оскорблений, как одежда от холода.

Наступил 1972 г. - год испытаний. Владыку Мефодия, дав ему архиепископа, перевели в город Омск, а владыку Павла перевели на Вологодскую кафедру. У него родной брат был во Франции, и он этим очень спекулировал, что всякое насилие над ним станет известно в Европе. Но сам владыка Павел не был духовным архипастырем в полном смысле этого слова, он был князь и вёл себя совершенно несовместимо с достоинством иерарха. Когда он был ещё игуменом, то жил на патриаршей даче в 11 км от Одессы. Однажды, придя к нему на приём в управление, я говорю: «Вы преподавали греческий язык в Одесской семинарии?» «Да». «И жили на патриаршей даче». «Совершенно верно». «И вас на семинарской машине привозили в семинарию к вашим урокам».

«Откуда вы это знаете?» «Так это я вас и возил». Я полагал, что он немножко смягчится.

Но Владыка рассудил это иначе. Я много знал о его поведении в Одессе, и он решил перевести меня в Череповец. Но этому не суждено было свершиться. Приехала комиссия из Патриархии: митрополит Ленинградский Антоний и епископ Ровенский Дамиан. Всех опрашивали. Я защищал Владыку Павла, даже к митрополиту Антонию ходил вечером в гостиницу и просил защитить Павла. Видно было, что это «стряпка» чекистов. Антоний и Павел были друзья, и я в семинарии был к ним очень близок. После беседы с владыкой Антонием в гостинице я понял - тут дело чисто не совсем. Они искали не правды, а вины.

Когда владыку Павла переводили в Вологду, то Патриархия поставила ему условие - не брать с собой мальчиков (а их было 5-6). Но он не послушался. После окончания первого всенощного бдения Владыка с амвона сказал: «Я приехал судить и буду непреклонным». У владыки был необыкновенно богатый запас изречений о том, как должен вести себя подчинённый. Однажды я ему сказал: «Вас так и по-

рывает во всяком видеть врага». У него это так и было. Я не буду распространяться о его слабости. Церковь обличает беззаконие, а не беззаконствующих.

На меня возвели клевету, и Владыка вызвал меня и при секретаре стал требовать объяснения. Я сказал: «Факты будут даны в нужное время и при соответствующих обстоятельствах». И странно, Владыка сразу перешёл к другому вопросу.

По рапорту митрополита Антония, Патриарх Пимен назначил Синод и вызвал Владыку Павла. Был приобретён билет на самолёт, и Владыка прибыл на аэродром. Но вылет задержался, Москва не принимает. Павел сидел в машине, - Синод уже начался, если он сейчас и вылетит, он все равно не поспеет на Синод, и уехал с аэродрома. Только он уехал, самолёт взмыл в воздух. Вечером Владыка выехал поездом, но в Патриархии на следующий день никого не было. Патриарх уехал в Болгарию.

Возвратившись из Москвы, Павел сказал: «Меня друг предал». Это значит, митрополит Антоний. Синод запретил в служении архиепископа Павла. Он уехал к себе на дачу, где-то на юге, и вскоре скончался. Владыка страдал страшными головными болями. Сидит в кресле в алтаре в Великую субботу, и я вижу, у него лицо чернеет. Какой-то в виске тройной нерв. «Отец настоящий, я уеду, мне плохо, если лучше станет, я приеду». Я прошу его: «Подлечитесь и готовьтесь служить на Пасху». Светлую заутреню он отслужил с блеском, кадил сам на каждой песне и менял облачения. Это он перенял от архиепископа Одесского Никона.

Над нашим домом стали перекрывать крышу. И странное дело - работал один человек, но зато во дворе всё время стояла женщина. Я её спросил: «Что вы весь день стоите во дворе?» «Я его жена», - указывает на крышу. «Сильно пьёт, и вот стою, слежу, чтобы не убежал». А потом я только понял, он монтировал прослушивающее устройство, которое должно передвигаться: кухня, моя комната, спальня. Когда я выходил из квартиры, она ему подавала знаки.

Однажды я в тапочках поднялся на чердак, очень тихо поднялся, и потом слышу, как по балке под железом что-то лезет, как крыса. Я палочкой постучал, но потом я понял, что там за «штука». Это было перед приездом архиепископа Павла Голышева.

Продолжалось прослушивание довольно долго. Однажды Матасов стал в разговорах с духовенством нести неподобающее, вмешиваться в дела архиерея, когда это прерогатива исключительно святителя.

Я стою в своей комнате и матушке, которая в кухне, громко говорю: «Я приготовил уполномоченному пилюлю, как только встретимся в каком обществе, я ему и поднесу. Посмотрим, как он её проглотит». Через день меня приглашают в храм к телефону - уполномоченный вызывает. И сразу из комнатки казначей и все остальные вышли, такого раньше никогда не было. Уполномоченный говорит: «У вас служил священник, я хотел кое-что выяснить, но в епархии мне всё объяснили. Я напрасно вас потревожил». Я говорю: «Да ничего». И он вдруг меня спрашивает: «У вас ко мне что-нибудь есть?». Я говорю: «Вы меня вызывали, а не я вас». Тем всё и кончилось. А через неделю мне говорят: «А уполномоченный новый, Матасова отправили на пенсию». Значит - сработало.

В начале февраля 1973 г. прибыл архиепископ Воронежский Михаил Чуб. Это хорошо подготовленный и опытный архиерей. Он сын священника, получил высшее свет-

ское образование. Окончил, хотя и заочно, институт иностранных языков, хорошо владел французским языком. Он кандидат богословия, окончил духовную академию. Был редактором или членом редколлегии журнала «Богословские труды».

Владыка был добрый, сочувствующий. Духовные его силы были уравновешенными. Мысль и чувства, ум и сердце - у него были в полном ладу. Характера он был скромного и держал себя чрезвычайно осмотрительно, молчалив, но через это всякое его слово получало особую силу. Всегда замечательна по воодушевлению его проповедь. Произносил проповедь, его сердце горело и зажигало другие сердца. Владыка Михаил был богат добродетелями и преданностью Богу. Он был тонкого благородного воспитания. Я в Санкт-Петербурге встречался с прихожанкой, окончившей институт благородных девиц. Она была уже в годах, но её взгляд, движения, манера разговора - всё свидетельствовало о её причастности к благородству. Вот это всё светило у Владыки Михаила. Он мало времени служил в Вологде, около двух лет.

После в Вологду приехал епископ Дамаскин, моложе меня на 10 лет. Он окончил духовную семинарию и академию. Но по всему видно было - его там ничему не научили. Он не мог связать два, три слова. Однажды на страстной седмице я ему говорю: «Вам необходимо сказать проповедь на вынос Плащаницы в Великую Пятницу». Когда он говорил, его губы и голос дрожали. Он ужасно переживал, но учиться говорить проповедь не хотел.

При владыке Дамаскине в 1976 г. для меня было страшнейшее испытание. Я получил письмо от сестры, что мать заболела - тяжелый грипп и ей очень плохо. Ей 94 года. Я сказал Владыке и он с воодушевлением советовал ехать к маме. Меня очень удивила его радость. И я поехал. В Волгограде у меня сестра, от неё ещё 100 км до второй сестры, где и жила мать. Побыв с мамой дня три, я стал собираться, и, уже уходя, сказал маме: «Если что случится, я не смогу приехать». Мать уже совсем выздоровела, но приехала внучка с гриппом, мама снова заразилась и больше не поднялась. 16 марта её не стало.

В Волгограде меня провожал крестник. Вошёл я в вагон и почувствовал страшную жару. Две проводницы пьяные. Все спали головами к открытым дверям купе. Это не сон был, а мучение. В Москве я с Казанского вокзала перешёл на Ярославский. У кассы за два человека кассир громко кричит: «Я вам сказала, что плацкартных билетов нет». А я ездил только в плацкартных вагонах, пришлось брать купе. Вошёл в вагон, у меня первое купе. Положил вещи. Поезд «Москва - Воркута», все заходят узкоглазые.

Заходит и в моё купе молодая узкоглазая женщина с изобилием телесных форм, взяв за руку трёхлетнего ребёнка. И к моему удивлению лезет на вторую полку. Поезд трогается, а в купе больше никто не вошёл. Я прошёл по вагону - все купе забыты. Я стал просить проводника переселить меня, но всё напрасно. Тогда я стал в коридоре у купе и стоял до Ярославля. Я понял, к чему весь этот концерт. У этой дамочки, наверняка, и синяки поставлены, и со второй полки может с ребёнком спрыгнуть. А в Вологде меня уже выведут в наручниках как насильника. Не доезжая до Ярославля, из одного купе подходит солидный мужчина и советует мне пройти в купе, здесь сквозняк. А я ему: «Я очень люблю природу, здесь прекрасная панорама, восхищаюсь увиденным». В Ярославле в купе вошли мужчина и женщи-

на, тогда и я вошёл. В Вологде меня встречала матушка с детьми. Больше я никуда один не ездил.

На Рождество Христово 1980 года Владыка Дамаскин служил последнюю службу в Вологде, он был переведён в Полтаву, а потом в Карпаты.

18 января 1980 года мы встречали архиепископа Михаила Мудьюгина. На Крещение была его первая служба. Владыка Михаил был человек серьёзный, враг всякой пышности и блеска, любил простоту с некоторой, однако, важностью. Но был большой любитель всяких оваций в его адрес. Он был богослов с большой буквы, и конечно, проповедник, если уж не оратор. Умел группировать факты, схватывать общий смысл жизни, умел заводить речь издалека и вдаваться в психологические развития. Глубина мысли, неотразимость логических приёмов, крепко обоснованных доказательств - отличительная черта его проповеди. Действительно, он обладал пламенным красноречием и способностью увлекать и убеждать слушателей.

Он был прекрасным собеседником, культурным, прекрасно образованным и душевным человеком. Это производило неизгладимое впечатление особой теплоты. Но Владыка позволял себе легко идти на компромисс с моралью, нравственностью и совестью. Помня слова Симеона Метафраста: «Равно есть зло и еже глаголати неподобная, и еже молчати о полезных», я кротко сказал: «Владыка, слова только учат людей, а примеры жизни влекут за собой. Это должно стать девизом для духовенства, а тем более для архипастырей». Он от меня отмахнулся как от назойливой мухи.

Владыка Михаил - музыкальный человек, прекрасно играл на фортепиано. Любил церковное пение, и сам всегда пел с духовенством. Нервы у него были олимпийского спринтера, как только сел в кресло, так и захрапел.

Однако у меня с Владыкой Михаилом было много стычек, непонимания друг друга.

В «Красном Севере» пошла серия статей против Церкви. А это было время подготовки к собору Тысячелетие крещения Руси. Статьи под рубрикой: «Ренессанс» в основном сводились к одному: «Не заигрываемся ли с Божинькой». И вот появилась статья Владыки. До чего же больно было её читать. Это какое-то сюсюканье, это писал не богослов и не святитель.

Я сел писать статью, написал, прочитал матушке, она сказала: «Тебя посадят». Я переписал, убрал острые углы, матушка снова запротестовала. Я третий раз переписал и послал статью в редакцию.

Долго-долго не печатали, но потом напечатали. Вверху статья ректора пединститута, а ниже моя. На одном из воскресных бдений мы подходим в алтаре под благословение к Владыке, и он на меня просто

зарычал: «Зачем написал в газету». «А потому написал, что противно ваше сюсюканье, вы не думаете о верующих вологжаных. Разве ваша статья - защита паствы, укрепление веры? Трудно понять, кому вы служите». Владыка сразу притих. Я говорил довольно громко, чтобы в алтаре слышно было.

Наступил 1988 г. - год Тысячелетия Крещения Руси. Советом духовенства я был избран на собор. «Господа» знали уже, что настоятели вступят в законные права управлением приходом и, естественно, опасно было оставлять прослушивающее устройство над нашей квартирой. Они подожгли наш дом, разворотили крышу, сняли всё, что там стояло. Матушка была в кухне, там стоял майор, подходит к нему солдат и докладывает: «Товарищ майор, всё сняли». Они ничего не стыдились. Это было на пятой неделе Великого поста, перед субботой Акафиста. Сделали ремонт к 3-му июня, мой день Ангела, а после литургии и обеда мы с Владыкой пошли на вокзал.

Собор вдохнул свежую струю духовной свободы. О Соборе много написано было. Был принят новый Устав Русской Православной Церкви: епископы становились Владыками епархий, а настоятели - настоятелями храмов.

Перед поездкой на Собор Владыка получил от Патриарха Пимена указ о местном прославлении святого праведного Николая Вологодского. 3-го июля 1988 года совершилось это радостное событие.

В Вологде жила сосланный с Украины семья Михаила Изотовича Сивца. У них было три сына и дочь. Работы ссыльным не давали, есть нечего, дети стали пухнуть. И так случилось, что кто-то дал Михаилу Изотовичу брошюрку о праведном Николае.

Пришел он на Богородское кладбище и, не заходя в храм, пошел к часовне. Сел на ступеньки и стал просить праведного: «Если ты угодник Божий, помоги нам: дети помрут - нечего есть». Естественно, он много плакал и молился.

Через три дня Михаил сидел вечером и сумерничал, не зажигал света. Вдруг дверь хлопнула в коридоре, и в комнату вошёл старец (это был праведный Николай), обращаясь к Михаилу, сказал: «Ты меня совсем залил слезами, я весь мокрый», - и с его одежды течет вода, - «Успокойся». Он вышел, хлопнула входная дверь. Михаил пришел в себя, вскочил, выбежал в коридор, а двери заперты изнутри.

На следующий день Михаил встречает заведующую столовой, и она приглашает его приходить и брать, что осталось. Он принес домой полное ведро макарон и каши, дети накинулись на еду. Через неделю ему предложили работу. Семья ожила.

Михаил Изотович не просто молился праведному Николаю, он беседовал с ним как с живым.

В 1987 или 1988 году, когда

Рождество-Богородицкий кафедральный собор в Вологде. Здесь протоиерей Константин Васильев служит уже почти полвека. А внизу - здание воскресной школы собора, там же размещаются и квартиры священнослужителей

Часовня святого праведного
Николая Рынина и образ святого

открыли часовню для доступа верующих, выбросили бочки из-под масла и начали ремонтировать сначала пол. Наняли бригаду, указали, что необходимо делать. На следующий день иду я из города, и на углу дома нашего я ощутил тяжелейшее тяготение на сердце. И мысль: «Пойди посмотреть, что и как делают в часовне». Потом я несколько успокоил себя: указания даны, и люди знают, что делать. Вошел в квартиру - покоя нет, на сердце тревога. И я пошел в часовню. О, ужас - работники зацементировали весь пол и могилу! Вот причина моих волнений. Пришлось приказать работникам вырывать над могилой цемент вплоть до земли.

У нас в соборе ведется журнал исцелений по молитвам праведному Николаю. Не все, конечно, приходят засвидетельствовать свое исцеление, но многие приходят. Мальчик не мог становиться на ножки. Его приносили к раке праведника, и дитя пошло. 40-летняя женщина сильно болела - рак. У раки преподобного совершенно исцелилась. Таких случаев много. Все оставили свои адреса.

Но я хочу поведать только о двух удивительных случаях исцеления.

«Мой муж и я атеисты, были партийными. Муж - бывший офицер, сейчас пенсионер. В январе 1996 г. у него неожиданно распухла и воспалилась левая нога от колена до ступни, начались жуткие боли. Курс антибиотиков в уколах не помог. В феврале положили его в Кадуйскую больницу. Диагноз - рожистое воспаление. Курс лечения в больнице не помог. В мае начались страшные язвы, которые перешли и на вторую ногу. Обе ноги страшно гноились, кожа практически сошла, боли ужасные. Перепробовали все лекарства. Муж собирался наложить на себя руки.

В июне мужа собирались отправить в Вологду в больницу, но он уже не мог самостоятельно ехать. В середине июня священник о. Александр дал нам земельки с могилки праведного Николая. Залил земельку водой и посоветовал постоянно пить воду. Мы были в отчаянии и согласны были на все.

В течение первого дня муж пил воду 5-6 раз. Боли прошли сразу. На второй день раны очистились, начали затягиваться, муж встал на ноги. На третий день он пил воду всего 2-3 раза. После этого ее больше и пить не пона-

добилось. Появилась кожа, боли прошли. В сентябре он уже ходил со мной на болото за клюквой, копал картошку, боли прекратились.

Вода в банке с землячкой стоит по сей день совершенно прозрачная, без привкусов, как родниковая. Супруги Яковлевы».

К письму приложено направление в областную больницу от 05.07.96 г. на кожное отделение для стационарного лечения.

Остается только сожалеть, что вместо того, чтобы приехать и поблагодарить праведного Николая, они пошли за клюквой.

Другой случай произошёл совсем недавно в марте 2006 года. Пятидесятилетний мужчина тридцать лет страдал пьянством. «Очень хотел вылечиться. Ездил в Троице-Сергиеву лавру, но там сказали: «Вылечить тебя может

только святой, но сейчас таких нет». 4 февраля с. г. я зашел в кафедральный собор, потом в часовню к праведному Николаю. Я просто ему сказал: «Хочу поговорить с тобой как мужик с мужиком. Вылечи меня, если можешь, помоги мне, чтобы у меня и на работе все было хорошо». Я подал ему руку. В тот же миг я почувствовал пожатие руки. У меня появилось такое чувство, не знаю, как и передать, как будто у меня выросли крылья. Я не чувствовал своего тела, такая была легкость. 5 марта я зашел в часовню и сказал праведному Николаю: «Ты вылечил меня». Маслов».

В начале девяностых стало заметно, что Владыка резко начал сдавать: ноги и особенно зрение, один глаз совершенно не видел. В августе 1992 г. в соборе произошло знаменательное и волнующее событие - служение Божественной литургии Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Патриарх увидел, что Владыка Михаил уже был не более, как тень прежнего Владыки Михаила. И через восемь месяцев он был отправлен на покой.

В 1993 г. на праздник воскресения праведного Лазаря игумен Максимилиан, с возведением в сан архимандрита, рукоположен был во епископа Вологодского и Великоустюжского. Владыка прибыл в Вологду стройный, рослый, молодой. Не вызвали сомнений его необычайная эрудиция и острый ум. Поражало его трудолюбие; в течение года он посещал все приходы епархии по несколько раз, а их теперь более ста. Посещением, служением, проповедью Владыка Максимилиан показал себя добросовестным и трудолюбивым архипастырем. Успешно содействовал углублению религиозной жизни паствы епархии. И стало всем понятно, что от правильного понимания прав и обязанностей зависит очень многое.

Меня сильно удивило, когда один священнослужитель совершил преступление, но Владыка отнёсся к нему в высшей степени участливо и с большим доверием. И я понял, что не абстрактный гуманизм, но христианское всепрощение, претворённое в реальной жизни в конкретные дела - это нравственное кредо христианина.

2007 г.